***

Аварис.

Когда я добрался до комнаты мамы, она лежала на своей кровати. Она не выглядела больной. Здоровый румянец все так же украшал ее щеки. Прикрытые глаза и размеренное дыхание создавали впечатление умиротворенно спящей женщины. Но я не обманывался внешней идиллией. Я буквально кожей ощущал смерть, что занесла над женщиной свою косу.

Рядом с мамой на кровати сидела малютка Валери и крепко держала ее ладонь в своих ручках. Глаза малютки были красные от пролитых слез. Ее лицо выражало странную смесь страха и какого-то недетского понимания происходящего.

В этот момент мама приоткрыла глаза и посмотрела на меня. Взгляд выдавал ее состояние с головой — она устала. Устала бороться и терпеть боль. Она многое перенесла, но жизнь продолжала подкидывать ей испытания.

— Валери, доченька, — тихо проговорила мама, поглаживая второй рукой бледное лицо малышки, — Иди поиграй с дедушкой. Нам с твоим братом надо поговорить.

Сестренка, шмыгнув носом, понятливо кивнула, прежде чем спрыгнуть с кровати. Проходя мимо меня, она на миг остановилась, потянув меня за руку и требуя обратить на нее внимание.

— Прошу, спаси маму, — сказала она, смотря на меня глазами, полными надежды, — Спаси ее.

— Обещаю, — серьезно сказал я, понимая, на что иду.

Никогда в жизни я не давал обещаний, которые бы не смог выполнить. И сейчас я был намерен сдержать данное слово, чего бы мне это не стоило.

Девочка кивнула, запоминая мои слова, и убежала из комнаты. В спальне остались только мы вдвоем: я и мама. Монстр и женщина, породившая его.

Я молча подошел к кровати и сел рядом на пол. Все это время мама смотрела на меня, будто пыталась запомнить мой образ навечно. Протянув руку, я убрал прядь волос, которая так и лезла маме в лицо.

— Не бойся, мам, — тихо сказал я, приложив ладонь к ее щеке, которая была на удивление холодной, — Я спасу тебя.

— Как? — так же тихо спросила женщина, — С помощью этого ужасного ритуала?

Удивившись тому, что она не только знает о ритуале, но и о самой его сути, я, вскинув брови, посмотрел на маму в поисках ответа.

— Откуда… дедушка? — сделал я предположение, ведь он был единственным, кто знал всю подноготную. В ответ получил слабый кивок. — Понятно.

Будучи внешне спокойным, я пытался подавить бурлящий во мне гнев. Гнев, направленный на Карлуса, за то, что он все рассказал матери. Пришлось приложить немало усилий, лишь бы сила, подпитываемая моими эмоциями, не вырвалась из-под контроля. Единственная мысль, которая помогала удерживать эту плотину, была о том, что я мог случайно навредить маме, сделав только хуже.

— Я не хочу жизни такой ценой, — тем временем продолжала Диана, — И ведь это даже не излечит меня.

— Но даст время, — упрямо сказал я, посмотрев в глаза матери.

— Но какой ценой, — практически прошептала она, — Тысячи невинных должны будут умереть ради того, чтобы продлить агонию. Я не хочу этого.

Одного ее взгляда было достаточно, чтобы я виновато опустил голову. Сознание было пусто. Не было ни единой мысли.

Я почувствовал ласковое прикосновение тонкой ручки к своей щеке. Вынужденно подняв голову, наткнулся на обеспокоенный и любящий взгляд матери.

— Ави, сынок, — ласково сказала она, продолжая нежно гладить меня по щеке, — Пойми мое эгоистичное желание. Больше всего я беспокоюсь о тебе. Я не хочу, чтобы ты стал монстром.

Наверное, в этом и есть суть материнства — постоянно беспокоиться о своем ребенке. Даже если он один из сильнейших в мире магов. И даже если он и не совсем твой ребенок.

— Монстром, — фыркнув, с иронией произнес я, собираясь продолжить и рассказать правду, — Я был рожден монстром. Ты должна знать, я не…

— Я знаю, — перебила меня мама, словно читая мои мысли и продолжая все так же с любовью смотреть на меня.

Я удивленно посмотрел на женщину, которая стала моей матерью в этом мире. Женщину, чья забота и любовь окутывали меня всю жизнь. И, наверное, единственного, по-настоящему

близкого человека.

— И всегда это знала, — продолжила тем временем мама, тихо посмеиваясь над моим удивленным лицом, — С самого твоего рождения. И твой папа с дедушкой тоже все знали.

С каждым словом я опускал голову все ниже и ниже. Впервые в жизни я боялся посмотреть в глаза матери.

— Но все это не столь важно, — продолжила Диана и своей рукой подняла мою голову, желая увидеть мое лицо, — Ведь, насколько помню, это именно тебя я вынашивала долгие девять месяцев и прошла через мучительные роды. Так что не смей говорить, что ты не мой сын! Тебе все ясно, Аварис Александр Поттер?

— Да, мам, — тихо, словно нашкодивший ребенок, ответил я, глядя в строгое лицо матери, внутренне ощущая облегчение.

Мама вновь нежно погладила меня по щеке.

— Вот и славно, — слабо улыбнулась она, — Давай оставим эту тему.

Какое-то время мы сидели в тишине, держа друг друга за руки как обычные мать и сын. И ничего более. Простые люди со сложной судьбой.

— У меня просьба, — вдруг сказала мама, прерывая молчание.

— Какая? — с интересом спросил я.

— Сыграй для меня, — застенчиво, словно девочка, сказала мама, — Я так давно не слышала, как ты играешь.

Странная просьба удивила меня, ведь я никогда не замечал за мамой интереса к музыке. Но, тем не менее, я был готов выполнить любое ее желание. Поэтому я попросил домового эльфа принести мою гитару, а сам пока трансфигурировал себе простой стул, на который взгромоздил свою пятую точку.

— Господин, — тихо сказал домовик, появившийся рядом и протягивающий мне музыкальный инструмент.

Забрав его, я отослал эльфа, а сам поудобнее устроился на стуле, закинув ногу на ногу. Медленный перебор струн показал, что гитара требует настройки. Похоже, я действительно давно ею не пользовался. Так, бережно перебирая и подтягивая струны, я стирал пыль, которой успел покрыться инструмент.

Легкое прикосновение к струнам — и первые ноты незамысловатой мелодии разлились по комнате. Вопрос выбора композиции даже не стоял. В тот миг музыка буквально лилась из меня, и гитара была лишь проводником между мной и миром.

Краем глаза заметил, как мама прикрыла глаза, наслаждаясь мелодией. Мне стало предельно ясно, насколько сильно она устала. Продолжая играть, я начал плести усыпляющие чары, которые постепенно накладывал на маму. Секунда за секундой, мелодия становилась все тише, а магический сон Дианы крепчал. Ее дыхание выровнялось, лицо разгладилось и стало умиротворенным.

Я прекратил играть. Наступила давящая тишина. Теперь, когда мама спала и не видела меня, я мог дать волю эмоциям. Мое лицо исказила гримаса злости. Уверен, в этот момент оно мало походило на человеческое. Заострившиеся зубы больно впились в губы, буквально прокусывая их. Я с трудом сдерживал крик, а вместе с ним волну магии, которая могла разрушить все вокруг.

С силой сжав гитарный гриф, услышал хруст дерева, сминаемого моими руками. Бедный музыкальный инструмент стал тем объектом, на котором я решил выместить всю злость. Дерево крошилось под моими руками, чтобы, в конце концом, вспыхнуть ярким факелом и осыпаться пеплом.

Обеспокоенно взглянул на маму, чтобы убедиться, что ее не задело мое пламя.

— Шэд, — тихо позвал я слугу, который отозвался моментально.

Выглядел он понуро и немного испуганно. Он явно переживал за хозяйку, но и, похоже, боялся моего гнева.

— Убери здесь, — приказал я, указывая на то, что осталось от верной гитары, — И приведи сюда Сметвика. Скажи, что дело срочное. У тебя пять минут.

— Слушаюсь, господин, — поклонившись, ответил эльф и испарился вместе с пеплом от музыкального инструмента.

Зная исполнительность Шэда, я более чем был уверен, что он приведет колдомедика. И если потребуется, сделает это силой. Поэтому все оставшееся время я старался привести свои мысли в порядок.

— Так, и что тут у нас, — вдруг раздался знакомый голос.

Повернув голову, увидел Сметвика с его извечным чемоданчиком. Колдомедик был все так же стар, но при этом весьма и весьма бодр.

— Мистер Сметвик, — кивнул я ему в знак приветствия.

— Мистер Поттер, — с добродушной улыбкой повторил мой жест старик, — Что у вас на этот раз стряслось?

Интересно, он издевается, или это профессиональная деформация? Или может пресловутая английская вежливость? Иначе я никак не мог понять необходимость в вопросах, когда все буквально лежит перед его глазами.

— Прошу, — указал я на маму, проглотив свое недовольство, — Мне нужно знать, сколько еще у нас осталось времени.

К счастью, в этот раз он не стал задавать глупых вопросов, а просто подошел к кровати и приступил к своей непосредственной работе. Возможно, в любое другое время наблюдение за работой мастера принесло бы мне удовольствие, но сейчас я был настроен только получить ответ.

— Что я могу сказать, — протянул старик, выпрямляясь и вытирая проступивший на лбу пот, — У меня есть две новости.

— Начните с плохой, — сказал я, поняв, к чему он клонит.

— У вас неделя, — сказал Сметвик таким тоном, словно вынес приговор, — После чего жизнь окончательно покинет ее.

— А хорошая? — спросил я, стараясь не выдавать своих эмоций.

— Есть шанс увеличить это время, — ответил колдомедик, отчего я, встрепенувшись, с ожиданием взглянул на него, — Не на много, но растянуть его до месяца получится.

— И как это сделать? — нетерпеливо спросил я, будучи готовым схватить старика и пытать, если он откажется говорить.

Старик устало присел на трансфигурированный мной стул

— Должен признаться, я провел ряд исследований, — начал Сметвик издалека, — В поисках способа «лечения». Желаемого я, к сожалению, не получил, но и совсем без результата не остался.

Ужасно хотелось поторопить колдомедика, но я прекрасно понимал бессмысленность этого действия.

— Если поместить миссис Поттер, — тем временем продолжал он, — В идеальные условия, то получится немного отдалить неизбежное.

— О какого рода условиях идет речь?

— Отказ от любой деятельности, то есть, фактически, погружение в искусственный сон, что вы уже сами осуществили, и помещение «больного» в среду, насыщенную магией. И, предвосхищая ваш вопрос, чем больше концентрация, тем лучше.

После его слов шестеренки в голове закрутились с новой силой. Сразу появилось несколько идей того, как создать необходимые условия.

— Но я бы на вашем месте хорошенько подумал, мистер Поттер, — вдруг сказал старый колдомедик, поднимаясь со стула, — Хотите ли вы продлевать ее мучения? Будем объективны, но за месяц вы вряд ли найдете метод лечения.

Жестокие, но такие правдивые слова, вернули меня с небес на землю.

— Это я говорю вам как колдомедик, — сказал он и с хитрой улыбкой продолжил, — Но как человек я говорю — боритесь до конца. А теперь я был бы благодарен, если бы ваш обходительный домовик вернул меня обратно.

— Шэд, — позвал я слугу и после его появления кивнул на гостя, — Всего доброго, мистер Сметвик.

— И вам, мистер Поттер, — улыбнувшись, ответил он, подав руку эльфу, — И вам.

После их исчезновения я тоже не стал задерживаться к комнате матери, лишь перед уходом поправив ей одеяло.

За дверьми же меня ждал обеспокоенный Карлус, который выглядел виноватым. Собираясь проигнорировать его, прошел дальше по коридору, но дедушка решил меня окликнуть.

— Аварис, — позвал он меня, — Послушай.

Спустя мгновение я оказался возле него и впечатал мужчину в стену. У не ожидавшего такого Карлуса от удара выбило дыхание. После чего я, не дав ему прийти в себя, схватил его за горло и прижал обратно к стене.

— Нет, это ты послушай меня, — яростно прошипел я ему в лицо, — Я знал, что она откажется. Поэтому она не должна была узнать про ритуал. Но что сделал ты? Рассказал ей все!

— Ави., я… — хрипя, он пытался что-то сказать.

— Заткнись! — я сжал его горло еще сильнее, — Лучше просто замолчи.

Я отпустил родственника, после чего он стал жадно глотать воздух. Не дожидаясь, пока он придет в себя, решил покинуть его общество от греха подальше.

— Я не мог не рассказать, — хрипло проговорил он мне вслед, — Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь…

***

Я стоял посреди Выручай комнаты. Позади находился Исчезательный шкаф, когда-то давно запрятанный мною же. За столько лет здесь ничего не изменилось. Может только прибавилось всякого хлама. Но я сюда явился не местные красоты разглядывать.

Необходимо было забрать Гарри из школы. Если маме осталась неделя, мальчонка имеет право с ней хотя бы попрощаться.

Выходя из Выручай комнаты, я поспешил к Большому залу. Насколько я помню, в это время в Хогвартсе проходит обед, и если и есть возможность застать всех в одном месте, так только там. Конечно, можно было бы сделать официальный запрос на посещение с указанием причины, но для всего этого требовалось время. Время, которого нет ни у меня, ни у мамы.

Добравшись до движущихся лестниц, я на секунду остановился. После чего решительно перепрыгнул через перила, которые разделяли площадку восьмого этажа и пропасть, ведущую вниз. Со стороны это должно было выглядеть как поступок сумасшедшего, но все не так просто. У самой земли я замедлил свое падение с помощью телекинеза. После приземления оставалось только добраться до пункта назначения.

Двери Большого зала не стали большим препятствием на моем пути. Телекинетический толчок заставил двери с грохотом распахнуться. Это напугало особо впечатлительных детей, но вскоре наступила гробовая тишина, нарушаемая только звуком моих шагов.

— Папа? — услышал я удивленный шепот Гарри, когда приблизился к столу Гриффиндора, чем привлек к себе внимание.

— Он твой отец? — спросила его девочка с пышными каштановыми волосами.

«Вот ты какая — Гермиона Грейнджер», — промелькнула у меня мысль в тот самый миг.

— Гарри, — сказал я, подойдя вплотную и не дав ему ответить на заданный вопрос, — Собирай вещи. Мы едем домой.

Это вызвало шепотки среди учеников, но никто из них не смел выразить свое недовольство.

— Но что случилось? — удивленно спросил кузен.

— Потом объясню, — сказал я, поторапливая ребенка

Он посмотрел мне в глаза, словно пытаясь найти ответ. После чего, кивнув, встал из-за стола.

— Нам бы тоже хотелось услышать причину, мистер Поттер, — заговорил директор, доселе молчавший. Наверняка пытался просчитать ситуацию.

— Хотите дальше, — безэмоционально ответил я, подталкивая Гарри.

— Тем не менее, — завела свою нравоучительную шарманку Макгонагалл, — Вы не можете прийти и просто забрать ребенка.

Мне начинал надоедать весь этот фарс. Мысленное усилие — и на шее каждого преподавателя сомкнулась невидимая телекинетическая хватка, которая перекрывала доступ кислороду. Растерянные лица волшебников и их безуспешные попытки ослабить «удавку» стали усладой для моих глаз.

— Могу и сделаю это, — сказал я, прежде чем отпустить взрослых волшебников, — И лучше вам не мешать мне. Мы ведь поняли друг друга.

Ответом мне были кашель и проклятия, а также злой и задумчивый взгляд Дамблдора. Похоже, что он затаил обиду, и теперь друзьями нам точно не бывать.

— Ты все еще здесь? — спросил я Гарри, и он, словно домовой эльф, испарился. Было видно только как пятки сверкают.

***

По прибытии домой Гарри был введен в курс дела. Сказать, что он расстроился, это ничего не сказать. Ребенок сломя голову помчался в комнату Дианы, где рухнул на пол возле кровати и стал заливаться слезами, умоляя не умирать.

Чтобы не смотреть на все это, я ушел в свой кабинет, где, сев за стол, достал бутылку огневиски и налил себе полный стакан. Выпив его залпом, я даже не почувствовал вкуса, отчего смысл пить потерялся вовсе.

Так я и сидел, склонившись над пустым стаканом и практически полной бутылкой, до тех пор, пока за окном не наступила ночь, и меня не отвлек стук в дверь. Подняв голову, увидел, как она приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунул голову Гарри.

Глаза его были опухшими и красными от пролитых слез, но все же на его лице явственно читалось беспокойство.

— Пап, — тихо позвал он меня, проходя внутрь.

— Ты ведь уже взрослый, — усмехнулся я, приглашая его присесть напротив, — Называй братом. Ты ведь знаешь, кто твой настоящий отец.

— Такой себе папаша, — упрямо сказал подросток, шмыгнув носом.

— Ну это не повод его ненавидеть, — попытался примирительно сказать я, — Он тебя любил.

У мамы получалось успокаивать гораздо лучше. Гарри после моих слов надулся еще больше прежнего.

— Если бы любил, не умер бы так бездарно, — возмутился кузен, — Да и слышал я, как о нем отзываются учителя в школе. Не много чести быть сыном человека, способного только на глупые шутки.

— Ну ты немного преувеличиваешь, — не смог не улыбнуться я, — И, к тому же, у меня тоже неоднозначная репутация.

— Лучший ученик за последние столетия, — начал перечислять Гарри, забавно загибая пальцы, — Один из самых молодых мастеров артефакторов. Человек, фактически даровавший магию сквибам. Сильнейший боевой маг современности. Победитель Темного Лорда.

— Тише-тише, — сказал я, поднимая руки и принимая поражение, — Совсем уж захвалил меня. Но насчет Темного Лорда я бы поспорил.

— Да плевать, — продолжал Гарри, — Даже если бы всего этого не было, ты сделал для меня больше, чем кто бы то ни было.

— И что же я сделал? — с интересом спросил я.

— Ты был рядом, — совсем уж тихо произнес Гарри.

Я долго смотрел на него и прекрасно понимал, о чем он говорит. Речь о том, что я заменил ему отца.

— И в кого ты такой упрямый, сынок, — обреченно сказал я.

— В отца конечно же, — серьезно сказал Гарри, хотя глаза его так и лучились счастьем.

По кабинету разнесся наш дружный смех, который вымыл копившееся напряжение.

— Ты что-то хотел? — спросил я после того, как отсмеялся, намекая на причину его прихода.

— Хотел проведать тебя, — смущенно ответил подросток.

Усмехнувшись, я встал из-за стола и подошел к Гарри, чтобы затем взъерошить его волосы.

— Со мной все хорошо, — успокоил я его, — Я еще не сдался.

— Ты ведь спасешь ее? — с надеждой спросил названый сын.

— Обещаю, — сказал я, улыбнувшись, но внутри не будучи уверенным, что смогу сдержать обещание.

Мальчишка, серьезно кивнув, встал с кресла и убежал, оставляя меня наедине со своими мыслями. Вернувшись за стол, я погрузился в себя в поиске ответов.

Чертова старуха с косой вновь хочет забрать то, что принадлежит мне, и я ничего не могу с этим поделать. Одной силы недостаточно, чтобы победить смерть. Единственный способ, найденный мной, это отодвинуть неизбежное, но мама не хочет, чтобы из-за нее гибли невинные люди. Но должно же быть какое-то решение…

Я обессилено опустил голову и закрыл лицо руками. В кабинете царила полнейшая тишина. Ни единого шороха или дуновения ветра из открытого окна. Словно сам мир боялся чем-то меня потревожить. Но быстро перестал обращать на это внимание.

Не знаю, как долго я так просидел — не меняя позы, не делая ни единого движения и, кажется, порой и вовсе не дыша. Мысли и идеи, мелькающие в голове, сменялись одна за другой. Одни отметались, другие и вовсе не рассматривались. Это продолжалось из раза в раз до тех пор, пока я вновь не возвращался к мысли о ритуале.

— Бесполезно, — прошептал я, нарушив тишину, царившую в кабинете, — Мама не хочет, чтобы умирали невинные люди.

Наконец-то, оторвав руки от лица, я откинулся в своем кресле, бездумно глядя в потолок. Но лишь одна мысль заставила подобраться и словно гончая встать на след.

Мысль столь чужеродная, словно навязанная. Она больше была похожа на шепот на задворках сознания. Той его части, которая еще несла хоть каплю человеческого.

«Кто сказал, что умирать должны невинные?», — вторил этот шепот.

Одна только эта мысль заставила сознание работать на полную катушку. Передо мной на столе сами собой появились лист пергамента и перо, на которых я начал строчить план, рождавшийся на ходу. План, который мог бы решить все проблемы разом.

Я продолжал писать и писать. Зачеркивая одну строку, чтобы добавить две новых. Местами пергамент был заляпан чернилами, но мне было не до аккуратности и эстетической красоты. Я писал и из раза в раз повторял только одно слово — месяц.

— Месяц, — последний раз сказал я, ставя жирную точку, которая больше была похожа на кляксу, — Месяца более чем достаточно.

http://tl.rulate.ru/book/56603/3070790